Современные концепции уголовной ответственности за неоконченное преступление

Анисимов Артур Анатольевич
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, arthur6708@mail.ru

В статье рассматриваются отличительные особенности неоконченного преступления в уголовном праве России и некоторых иностранных государств. Приводится анализ действующим концепциям в отношении уголовной ответственности и наказания за приготовление и покушение на преступление, рассматриваются особенности правового регулирования уголовной ответственности за неоконченное преступление, наказание за приготовление и покушение на преступления.
Ключевые слова: неоконченное преступление, приготовление и покушение на преступление, сговор на совершение преступления, правовое регулирование, уголовная ответственность, наказание.

Уголовная ответственность выступает одним из ключевых инструментов государственного воздействия на преступность и применяется в качестве правового последствия совершения общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом. При этом действующее уголовное законодательство не содержит легального определения данного института, что обусловливает наличие различных подходов к его пониманию в теории уголовного права. Основные научные дискуссии касаются содержания уголовной ответственности, момента ее возникновения и соотношения с иными уголовно-правовыми категориями.

В юридической доктрине отсутствует единый подход к определению содержания уголовной ответственности и момента ее возникновения. Вместе с тем большинство исследователей связывают данный институт с возникновением особого вида правоотношений между государством и лицом, совершившим преступное деяние. Государство в данном случае реализует свои полномочия через систему органов уголовной юстиции, а содержание ответственности выражается не только в возможности назначения наказания, но и в применении иных предусмотренных уголовным законом мер воздействия.

Российское уголовное законодательство признает юридически значимыми не только завершенные преступления, но и действия, совершенные на предшествующих стадиях реализации преступного умысла. При этом правовые последствия приготовления и покушения определяются с учетом степени завершенности преступного поведения. Законодатель исходит из того, что ответственность за незавершенное преступление не может полностью совпадать с последствиями совершения оконченного деяния, поскольку уровень общественной опасности таких действий объективно различается.

Современная модель регулирования в данной сфере сформировалась под влиянием ранее действовавших положений советского уголовного законодательства. Еще в период действия УК РСФСР 1960 г. приготовление к преступлению и покушение на его совершение признавались основаниями уголовной ответственности. Однако отдельного механизма дифференциации наказания для различных стадий преступной деятельности предусмотрено не было. На практике суды компенсировали это путем учета обстоятельств конкретного дела: характера совершенных действий, степени реализации преступного намерения и причин, препятствовавших доведению преступления до конца. В результате наказание за незавершенное преступление обычно назначалось менее строго, чем за аналогичное оконченное деяние.

Подобная идея прослеживалась и в более ранних нормативных источниках. В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. также признавалась возможность ответственности за действия, направленные на совершение преступления, но не завершившиеся наступлением преступного результата. При определении мер воздействия предлагалось учитывать не только степень опасности самого лица, но и уровень реализации преступного намерения. Как отмечалось в нормативном акте: «Если начатое преступление не было доведено до конца, то есть если преступный результат по каким-либо причинам не наступил, то суд при выборе мер социальной защиты руководствуется степенью опасности лица, совершившего преступление, и степенью осуществления преступного намерения» [1].

Применение иных уголовно-правовых мер к лицам, совершившим незавершенное преступление, осуществляется исходя из общих правил уголовного закона. Например, лицо, совершившее покушение на убийство, но впоследствии признанное невменяемым, может быть подвергнуто принудительным мерам медицинского характера при наличии предусмотренных законом оснований.

Зарубежный опыт регулирования стадий совершения преступления демонстрирует отсутствие единого подхода к вопросу о наказуемости приготовительных действий. В отдельных государствах сама подготовка преступления не рассматривается как самостоятельное уголовно наказуемое поведение. Так, швейцарская модель уголовного права исходит из того, что приготовление в общем случае не образует основания ответственности. При этом специального института, позволяющего привлекать лицо за действия, предшествующие началу исполнения преступления, законодательство данной страны также не содержит [2, с. 56].

Иной вариант регулирования характерен для ряда государств, где ответственность за подготовительные действия устанавливается применительно к конкретным составам преступлений. Например, шведское уголовное законодательство предусматривает возможность наказания за подготовку только тех деяний, для которых такая ответственность прямо закреплена законом. При этом законодатель не ограничивается исключительно наиболее опасными преступлениями [3, с. 54–64].

В научной литературе высказывается мнение о необходимости расширения сферы уголовной ответственности за приготовление, включая возможность ее применения независимо от категории преступления [2, с. 22–24]. Сторонники такого подхода указывают, что усложнение преступной деятельности и появление новых форм общественно опасного поведения требуют более раннего вмешательства государства.

Однако данная позиция остается дискуссионной. Противники расширения уголовной репрессии отмечают, что чрезмерное распространение ответственности на подготовительную стадию может привести к размыванию границы между преступлением и иными видами правонарушений. Особенно это актуально применительно к преступлениям небольшой и средней тяжести, поскольку в отдельных случаях опасность приготовительных действий может быть сопоставима с уровнем административного проступка.

Таким образом, международная практика показывает существование двух основных моделей: первая предполагает уголовную наказуемость как приготовления, так и покушения, вторая ограничивает ответственность преимущественно стадией непосредственного начала исполнения преступления. Выбор конкретной модели определяется не только юридической техникой, но и общей уголовной политикой государства.

Это создает риск необоснованного расширения сферы уголовной репрессии и требует поиска баланса между необходимостью предупреждения преступности и соблюдением принципов уголовного права.

Встречаются и предложения ограничить уголовную ответственность за приготовительные действия. Аргументируется это, чаще всего, тем, что приготовительные действия обладают сравнительно небольшой общественной опасностью, трудно доказуемы, а в уголовном праве многих зарубежных государств приготовление к преступлению не наказуемо. Однако подобные предложения вызывают определенные возражения. Декриминализация вызовет снижение эффективности деятельности правоохранительных органов по предупреждению готовящихся преступлений, «отнимет» у них уголовно-правовые средства профилактического воздействия. В ряде случаев это также не позволит пресекать преступную деятельность асоциально направленных лиц, например, неоднократно судимых, так как далеко не все иные профилактические меры (организационные, виктимологические и др.) могут оказывать положительное воздействие и способны убедить лицо отказаться от совершения замышляемого или подготавливаемого преступления [5,с.87]. Конечно же, нельзя не признать, что на практике имеют место проблемы, возникающие в ходе доказательственной деятельности по делам о приготовлении к преступлению, связанные с целым комплексом причин, среди которых можно выделить проблемы получения сотрудниками правоохранительных органов информации о готовящихся преступлениях и сложности доказывания действий виновных лиц. Однако само по себе наличие проблем, связанных со сложностью доказывания при расследовании отдельных видов преступлений, еще не означает, что преступления, которые трудно доказать на практике, необходимо декриминализировать. В зарубежной уголовно-правовой практике отсутствует единый подход к определению момента, с которого подготовка преступления приобретает значение уголовно наказуемого поведения. Различия проявляются прежде всего в оценке границы между приготовлением и покушением. В отдельных государствах законодатель не выделяет приготовление в качестве самостоятельной стадии преступления, однако компенсирует это расширительным пониманием покушения, позволяющим охватить действия, предшествующие непосредственному выполнению объективной стороны преступления. На данную особенность обращает внимание М.М. Гринь, отмечая, что в ряде западных правовых систем отсутствие ответственности за приготовительные действия фактически компенсируется более широким содержанием института покушения [6, с. 36].

Другой распространенной моделью является установление самостоятельной ответственности за достижение преступного соглашения между несколькими лицами. В отличие от традиционного понимания приготовления, при котором требуется совершение определенных действий по подготовке конкретного преступления, институт сговора позволяет реагировать на общественно опасное поведение уже на этапе формирования совместного преступного намерения.

Наиболее ярко такая конструкция проявляется в англо-американской правовой системе. В английском уголовном праве ответственность может наступать за действия, которые непосредственно не входят в состав предполагаемого преступления, но свидетельствуют о направленности поведения лица на его совершение. К числу таких институтов относятся сговор и подстрекательство, закрепленные в законодательстве об уголовной юстиции и уголовно наказуемом покушении.

Подстрекательство в английской правовой традиции рассматривается как самостоятельное преступное деяние, выражающееся в попытке склонить другое лицо к совершению преступления. При этом для возникновения ответственности не требуется фактического совершения преступления исполнителем. Наказуемым может быть признано даже неудавшееся воздействие на другое лицо, если инициатор преступного поведения предпринял действия, направленные на вовлечение его в преступную деятельность [7, с. 26].

Сходное значение в праве США имеет институт сговора. При этом содержание данного понятия определяется законодательством отдельных штатов и может иметь различные формулировки. В наиболее общем виде речь идет о соглашении нескольких лиц о совместном совершении преступления либо достижении противоправной цели. В американской правовой системе именно факт до-

стижения такого соглашения способен выступать основанием уголовного преследования, даже если преступление еще не начало реализовываться непосредственно [7, с. 156].

Таким образом, англо-американская модель характеризуется расширенным применением уголовно-правовых средств на ранних этапах преступной деятельности. Помимо сговора и подстрекательства, самостоятельное значение сохраняет институт покушения. При этом критерии начала исполнения преступления определяются достаточно широко, что иногда приводит к включению в сферу покушения действий, которые в иных правовых системах могли бы рассматриваться как приготовительные. Именно поэтому формальная ненаказуемость приготовления в английском праве частично нивелируется широким толкованием стадии покушения [9, с. 94].

Континентальная модель демонстрирует иной подход. Так, уголовное право Испании сочетает классическое понимание покушения с отдельными элементами англо-американской конструкции, включая ответственность за сговор и подстрекательство. Однако такие формы поведения признаются преступными не в отношении всех категорий деяний, а только применительно к отдельным составам, прямо предусмотренным уголовным законом. К ним относятся, в частности, преступления против жизни, незаконное лишение свободы и мятеж [10, с. 69–70].

В отличие от законодательства Англии и США, где само соглашение о совместном совершении преступления может быть достаточным основанием для уголовной ответственности, испанское право связывает наказуемость сговора с более высокой степенью реализации преступного намерения. Кроме того, испанская модель предусматривает обязательное смягчение наказания за покушение, что отражает различие между завершенным преступлением и действиями, не достигшими конечного результата [10, с. 69–70].

Отдельный вариант регулирования представлен законодательством Израиля. В данной правовой системе сочетаются несколько подходов: ответственность возможна как за покушение и сговор, так и за приготовительные действия, но только применительно к отдельным категориям преступлений. Такая конструкция позволяет государству устанавливать более ранний уголовно-правовой контроль в отношении наиболее опасных форм преступного поведения [11, с. 53–56].

Различные варианты решения вопроса о неоконченном преступлении получили развитие и в государствах, сформировавшихся после распада СССР. При этом единая модель отсутствует. Например, законодательство Латвии и Литвы ограничивает уголовную ответственность за приготовление преимущественно тяжкими и особо тяжкими преступлениями, тогда как Эстония делает акцент только на наказуемости покушения [12].

В уголовном законодательстве Казахстана также используется ограничительный подход: приготовительные действия признаются уголовно наказуемыми только применительно к наиболее опасным категориям преступлений. При этом особое место занимает подготовка террористических преступлений, ответственность за которую выделяется отдельно.

Более широкий вариант регулирования закреплен в законодательстве Республики Беларусь, где уголовно наказуемыми признаются как приготовление, так и покушение. Однако назначение наказания за незавершенное преступление предполагает учет степени реализации умысла, характера совершенных действий и причин, по которым преступный результат не был достигнут. Эти обстоятельства могут учитываться судом при индивидуализации наказания [13].

Таким образом, анализ зарубежного опыта показывает, что государства используют различные механизмы уголовно-правового реагирования на ранние стадии преступной деятельности. Одни правовые системы ограничиваются наказуемостью покушения, другие допускают ответственность за приготовление либо заменяют данный институт конструкциями сговора и подстрекательства. Выбор конкретной модели зависит от особенностей уголовной политики государства и оценки допустимых пределов вмешательства уголовного права.

Белорусская модель регулирования отличается также особым порядком применения наиболее строгих видов наказания. Законодатель исходит из того, что незавершенность преступного поведения является обстоятельством, ограничивающим возможность назначения смертной казни. Исключение составляют лишь отдельные категории особо опасных преступлений террористического характера, перечень которых прямо определяется уголовным законом [13].

Сопоставление различных зарубежных подходов позволяет сделать вывод о том, что институт неоконченного преступления развивается в рамках нескольких основных направлений. В одних государствах законодатель связывает возможность уголовного преследования уже с совершением приготовительных действий и последующим покушением. Такая модель предполагает более раннее вмешательство государства в сферу преступной деятельности и используется, в частности, в Российской Федерации и ряде государств постсоветского пространства.

Другие правовые системы ограничивают уголовно-правовую реакцию стадией покушения, не выделяя приготовление в качестве самостоятельного основания ответственности. В подобных случаях действия, предшествующие началу исполнения преступления, как правило, остаются за пределами уголовно-правового воздействия, если только законодатель специально не устанавливает иные механизмы реагирования.

Наряду с этим существует модель, при которой функцию предупреждения ранних стадий преступной деятельности выполняют специальные институты, прежде всего ответственность за преступный сговор. Ее особенность заключается в том, что основанием уголовного преследования становится не начало исполнения объективной стороны преступления, а формирование устойчивого намерения нескольких лиц реализовать противоправный замысел. В научной литературе такой институт рассматривается неоднозначно: одни исследователи относят его к разновидностям приготовления, другие — к самостоятельной форме соучастия.

Изучение законодательства различных государств позволяет утверждать, что покушение является наиболее распространенным элементом системы уголовно-правового реагирования на незавершенную преступную деятельность. Практически все современные правовые системы признают необходимость ответственности за действия, непосредственно направленные на достижение преступного результата, если его наступление было предотвращено обстоятельствами, не зависящими от лица.

Вместе с тем подходы к наказуемости приготовления существенно различаются. Распространенной является позиция, согласно которой уголовно-правовое вмешательство на подготовительной стадии допустимо прежде всего применительно к наиболее опасным преступлениям. Однако отдельные государства расширяют пределы такой ответственности, включая в сферу уголовного закона и некоторые менее тяжкие деяния.

Общей особенностью большинства правопорядков является учет неполной реализации преступного намерения при назначении наказания. Независимо от особенностей

национального законодательства суды, как правило, принимают во внимание тот факт, что преступный результат фактически не наступил. Именно поэтому санкции за приготовление и покушение обычно являются менее строгими по сравнению с наказанием за завершенное преступление, а применение исключительных мер уголовной репрессии, таких как пожизненное лишение свободы или смертная казнь, существенно ограничивается.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ показывает, что регулирование стадий совершения преступления является отражением общей уголовной политики государства. Законодатель стремится одновременно обеспечить возможность предупреждения наиболее опасных форм преступного поведения и не допустить чрезмерного расширения сферы уголовной ответственности. При различии национальных моделей общим остается признание того, что действия, свидетельствующие о реальной направленности лица на совершение преступления, требуют уголовно-правовой оценки.

Литература

1. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. // https: // www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16671#CR2H1pUHQRd5E6b9 (дата обращения: 11.07.2026).
2. Серебренникова А.В. Уголовный кодекс Швейцарии: основные черты книги первой // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1997. № 6. С. 56.
3. Кузнецова Н.Ф., Беляев С.С. Уголовный кодекс Швеции: основные черты // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1997. № 5. С. 54-64.
4. Милюков С.Ф. Проблемы криминологической обоснованности Российского уголовного законодательства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08. СПб., 2000. С. 22-24.
5. Кулагин Н.И., Березин М.Н., Макушенко Л.П. Профилактическая работа следователя органов внутренних дел. Учебное пособие. Волгоград, 1975. 87 с.
6. Гринь М.М. Неоконченное преступление: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2003. С. 36.
7. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии. Общая часть уголовного права. М., 1991. С. 26, 156.
8. Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). Учебное пособие. М., 1997. С. 94.
9. Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. М., 1998. С. 5.
10. Кузнецова Н.Ф., Решетников Ф.М. Основные черты нового уголовного кодекса Испании // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1998. № 2. С. 69-70.
11. Анисимов А.А. Неоконченное преступление в уголовном праве Израиля // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 53-56.
12. Уголовный кодекс Эстонской Республики // https: // www.juristaitab.ee/sites/default/files/seaduste-tolked/ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ %20КОДЕКС%2030.12.2019.pdf(дата обращения: 11.07.2026).
13. Уголовный кодекс Республики Беларусь // https: // online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&ysclid=mcbkl8qrva908300265&pos=719;-45#pos=719;-45 (дата обращения: 11.07.2026).
14. Уголовный кодекс Грузии // https://hrlib.kz/document/241750 (дата обращения: 11.07.2026).

Modern concepts of criminal responsibility for an unfinished crim

Anisimov A.A.
Lebedev Russian State University of Justice

The article examines the distinctive features of the unfinished crime in the criminal law of Russia and some foreign countries. The analysis of current concepts regarding criminal responsibility and punishment for the preparation and attempted crime is given, the specifics of the legal regulation of criminal responsibility for an unfinished crime, punishment for the preparation and attempted crimes are considered.

Keywords: unfinished crime, preparation and attempted crime, conspiracy to commit a crime, legal regulation, criminal responsibility, punishment.

References

1. The main principles of the criminal legislation of the USSR and the Union Republics of 1924 // https: // www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16671#CR2H1pUHQRd5E6b9 (date of reference: 11.07.2026).
2. Serebrennikova, A.V. The Criminal Code of Switzerland: the main features of the first book // Bulletin of the Moscow University. Ser. 11. Pravo. 1997. No. 6. p. 56. (In Russ.).
3. Kuznetsova, N.F., Belyaev, S.S. The Criminal Code of Sweden: the main features // Bulletin of the Moscow University. Ser. 11. Pravo. 1997. No. 5. pp. 54-64. (In Russ.).
4. Milyukov, S.F. Problems of criminological validity of the Russian criminal legislation: abstract. diss. ...Dr. Jurid. sciences: 12.00.08. St. Petersburg, 2000. pp. 22-24. (In Russ.).
5. Kulagin, N.I., Berezin, M.N., Makushenko, L.P. Preventive work of an investigator of internal affairs bodies. The training manual. Volgograd, 1975. 87 p. (In Russ.).
6. Grin, M.M. Unfinished crime: dis. ... kand. jurid. sciences: 12.00.08. Krasnodar, 2003. p. 36. (In Russ.).
7. Crime and punishment in England, USA, France, Germany, Japan. The general part of criminal law. Moscow, 1991. pp. 26, 156.
8. Krylova N.E., Serebrennikova A.V. Criminal law of modern foreign countries (England, USA, France, Germany). Textbook. Moscow, 1997. p. 94. (In Russ.).
9. The Criminal Code of Spain / Edited by N.F. Kuznetsova and F.M. Reshetnikov. Moscow, 1998. pp. 5-10.
10. Kuznetsova, N.F., Reshetnikov, F.M. The main features of the new Spanish Criminal Code // Bulletin of the Moscow University, Ser. 11. Pravo. 1998. No. 2. pp. 69-70. (In Russ.).
11. Anisimov, A.A. Unfinished crime in the criminal law of Israel // Current issues in the fight against crime. 2015. No. 1. pp. 53-56. (In Russ.).
12. Criminal Code of the Republic of Estonia // https: // www.juristaitab.ee/sites/default/files/seaduste-tolked/ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ %20CODE%2030.12.2019.pdf (accessed: 11.07.2026).
13. Criminal Code of the Republic of Belarus // https: // online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&ysclid=mcbkl8qrva908300265&pos=719 ;-45#pos=719;-45 (date of application: 11.07.2026).
14. Criminal Code of Georgia // https://hrlib.kz/document/241750 (date of request: 11.07.2026).